

чью-либо экспансивность, моего согласія нѣтъ. А такъ какъ наши отношенія въ нашемъ салонѣ именно таковы, что могутъ только потворствовать этому раздраженію и этой игрѣ, и такъ какъ по этому пути мы, можетъ быть, зашли слишкомъ уже далеко, то, я думаю, было бы умѣстно: игру прекратить и заявиться передъ разными салонными пріяниками въ подлинномъ своемъ видѣ. Для этого благоволите разрѣшить мнѣ говорить вамъ «ты» уже не подь сурдинку, а какъ и подобаеетъ взрослымъ людямъ—громко и ясно. Конечно, есть и иной выходъ: я бы могъ сдѣлать вамъ такъ называемое «предложеніе», а вы—принять его. Но дѣло въ томъ, что я считаю очень разумнымъ наше прежнее рѣшеніе: не сходитьсѣ до тѣхъ поръ, пока вы не взглянете жизни прямо въ глаза, т.-е. не извѣдаете ея нужды и ея прозы, а потому и «обычный» выходъ нахожу не подходящимъ. Жду отвѣта. Илья Тутолминъ».

Розыскавъ Алистрата и отправивъ съ нимъ письмо, Илья Петровичъ совершенно успокоился. Правда, онъ все-таки не взялся за статью въ «Огочественныхъ Запискахъ», но улегся на кровать и началъ мечтать. Онъ воображалъ себѣ Варю, безъ всякихъ «барскихъ свойствъ». Умная, красивая, развитая, въ простенькомъ темномъ платьицѣ—она сидѣла въ кругу его друзей, и дѣльно аргументируя, отстаивала его заветныя мысли о міровомъ значеніи русскихъ бытовыхъ формъ, и объ устойчивости крестьянскихъ общинныхъ идеаловъ... Дальше она представляла ему въ заманчивой простотѣ деревенской обстановки, среди ребятшекъ и бабъ, ведущихъ нескончаемую бесѣду... И сердце его теплилось тихо и спокойно.

Вошелъ Алистратъ. Тутолминъ протянулъ руку... Въ концѣ его собственнаго письма стояло смутно и неразборчиво: *Мнѣ надо говорить съ вами. Приходите утромъ въ березовую аллею.* Тутолминъ еще разъ прочиталъ... И какое-то неясное чувство страха стѣснило ему сердце.

Длинные тѣни лежали еще на росистой травѣ, когда Илья Петровичъ появился въ березовой аллеѣ. Озеро дымилось. Солнечные лучи червоннымъ золотомъ сквозили черезъ деревья. Было свѣжо. Березы издавали крѣпкій запахъ. Тутолминъ сѣлъ на пенъ, подобралъ сухой сучекъ, валявшійся на дорогѣ и въ задумчивости началъ чертить имъ по песку. Гдѣ-то вблизи неутомно стрекотала сорока. — «И на что ей понадобилось это